

ISSN 2309-9917

9 772309 991709

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak
(Executive Secretary)

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Maxim Karanfilovsky** PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje* Honorary Prof. of Lomonosov Moscow State University (Macedonia); **Leonid Krysin** PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language *V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS* (Russia); **Vesna Mojsova-Chepishavska** PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje* (Macedonia); **Jaye Padgett** PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz* (USA); **Helen Stergiopoulou** PhD School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies *National and Capodistrian University of Athens* (Greece); **Alexandra Vranesh** PhD, Prof., Dean of the Faculty of Philology *University of Belgrade* (Serbia); **Ekaterina Zhuravleva** PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian Language and Literature *University of Western Macedonia Greece* (Greece)

Registration certificate EL № FS 77–53145 from 14.03.2013
© 2013–2017. Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University

<i>Ayrapetyan L.S.</i> Violation of the Linear Flow of Time in the Carlos Fuentes' Novel <i>The Death of Artemio Cruz</i>	217
<i>Volodina A.V.</i> George Tucker and William Clark Falkner: Extinction of 'southernness'	223
<i>Golubitskaya Nika.V.</i> The Corporal Metaphors in Tristan Tzara's Poem <i>Approximate Man</i>	229
<i>Greshilova A.V.</i> The Cultural Paradigm of Myth in Prose of T.N. Tolstaya.....	235
<i>Safuanova A.I.</i> Genre of Authors' dramatization in Russian Fairy-tale Drama of 1920–1930	240
<i>Semenova P.N.</i> Sarcina Episcopatus of Saint Augustine.....	245
<i>Timoshenko E.K.</i> Fanfiction of Community of Fans of the Harry Potter's Saga as a Discourse.....	250
<i>Tokarev A.A.</i> Role of Receiving inside-out in the Artistic Space Meta-realist Poetry.....	256

Bibliography

The Bibliography of N.V. Gogol's Works and Literature about Him in Russian. 2012–2013	262
--	-----

Critique. Bibliography

<i>Umnyagin Vyacheslav, Priest.</i> Skopinsky pomyannik. Memoirs of Dmitri Ivanovich Zhuravlev / Foreword, comments, ed. by G.V. Zykova, E.N. Penskaya; National Research University (HSE). Moscow: HSE Publ., 2015. 384 p.	325
<i>Kravchenko E.V.</i> Atlantika: Notes on Historical Poetics. Issue XII / Ans. Ed. N.A. Ganina, N.Yu. Gvozdetskaya, T.A. Mikhailova (ans. ed), O.A. Smirnitskaya, F.B. Uspensky, E.M. Chekalina. Moscow: Moscow University Publishing House, 2013. 256 p.	329
Ilyina G.Y. Croatian Literature of XX century / Ed. N.N. Starikova. Moscow: Indrik, 2015. 440 p. – (Series: «Literature of the XX century»).....	335
The History of Hungarian Literature in Portraits / D.Yu. Vashchenko, Yu.P. Gusev, B.J. Zhelitski, N.M. Kurennaya, E.V. Maslennikova, V.T. Sereda, A.S. Stykalin, O.V. Havanova, E.Z. Shakirov, O.A. Yakimenko. Moscow: Indrikis, 2015. 408 p.....	335

Статъи

Категория времени в представлении русских книжников XVI–XVII вв.

Аннотация: Грамматические сочинения конца XVI – начала XVII в. – это первые зафиксированные письменно попытки кодифицировать нормы церковнославянского языка русской редакции, чтобы привести в определенную систему «разночтения» в использовании парадигм словоизменения и закрепить свои представления о церковнославянской норме этого периода. Практическими мотивами создания грамматических сочинений было стремление дать пособие по церковнославянскому языку школам и грамматическое руководство переписчикам книг и переводчикам.

Наряду с грамматическими сочинениями, ориентировавшимся, главным образом, на греческие грамматические теории, в первой половине XVI в. появляется еще один источник – грамматические рассуждения, касающиеся латинского языка, перевод грамматических теорий о латинском языке и попытка приспособить древнерусский язык к латинским теориям, а также осмыслить русский язык через категории латинской грамматики.

Описание грамматической нормы использования форм глагольного словоизменения в конце XVI – начале XVII в. осуществляется на основе исследования материала трех грамматик, характеризующихся систематическим изложением грамматического материала, – Адельфотеса (1591 г.), Грамматики Лаврентия Зизания (1596 г.) и Грамматики Мелетия Смотрицкого (1619 и 1648 гг.).

Ключевые слова: грамматическая норма, категория времени, глагольные формы, Адельфотес, Грамматика Лаврентия Зизания и Грамматика Мелетия Смотрицкого

Abstract: Grammatical works of the end XVI – early XVII c. is the first recorded attempt to codify the rules of Church Slavonic of Russian edition, to bring into system a certain «discrepancies» in paradigms of words and to consolidate their understanding of the Church Slavonic norm of that period. The practical aim was to give study books for the Church Slavonic grammar schools and copyists and translators. In the first half of the XVI century along with grammar, was another source – the grammatical discourse concerning the Latin translation of grammatical theories; translation of the Latin grammar books and the attempts to adapt the Old Russian language theories to the Latin language, as well as understand the Russian language through the category of Latin grammar.

Description of the grammatical rules of the use of forms of verbal in the end of XVI – early XVII c. is based on three grammars study material characterized by systematic exposition of grammatical material – Adelfotes (1591), Grammar of Lavrenty Zizaniy (1596) and Grammar of Melety Smotritsky (1619 and 1648).

Key words: grammatical rule, category time, verb forms, Adelfotesa, Grammar of Lavrenty Zizaniy and Grammar of Melety Smotritsky

Грамматические сочинения конца XVI – начала XVII в. – это первые зафиксированные письменно попытки кодифицировать нормы церковнославянского языка русской редакции. Цель их создателей – привести в определенную систему возникшие в процессе долгой истории развития церковнославянского языка на русской почве «разночтения» в использовании парадигм словоизменения и закрепить свои представления о церковнославянской норме этого периода. Практическими мотивами создания грамматических сочинений было стремление дать пособие по церковнославянскому языку школам и грамматическое руководство переписчикам книг и переводчикам. Известно, что в XVII в. сознание необходимости грамматической подготовки настолько укрепилось в Московской Руси, что незнание грамматики считалось уже признаком невежества. Царская грамота 1616 г. разрешает исправлять Требник лишь тем старцам Троицкой Лавры, которые не только «**подлинно и достохвально извычны книжному учению**», но и «**грамотики и риторию умеютъ**».

Грамматикам конца XVI – начала XVII в. в России предшествовали грамматические статьи; из них наиболее ранний, весьма популярный, оказавший немалое влияние на позже издаваемые грамматики, – так называемый Псевдодамаскин, неоконченное сочинение о восьми частях слова. Без проверки, начиная с К. Калайдовича¹, утверждалось, что Иоанн, экзарх Болгарский, перевел грамматику Иоанна Дамаскина, о которой в греческой литературе нет упоминаний. Без особых оснований время перевода относили к X в. Древнейшим списком этого сочинения является список XV в., по всей вероятности, сербской редакции. В России списки этого труда появляются в XVI в., время его происхождения И.В. Ягич² относит к началу или первой половине XVI в. Эта работа оказала большое влияние на составителей краткой печатной грамматики, изданной в Вильно в 1586 г. (Славянская грамматика), а также на древнейшее дошедшее до нас датированное печатное руководство по церковнославянскому языку – букварь московского печатника Ивана Федорова (1584 г., Львов)³.

Русский список Псевдодамаскина не является простой копией оригинала или южнославянского списка, а представляет собой определенную переделку: переписчик стремится привести грамматические данные в соответствие с нормами церковнославянского языка русского извода.

Говоря о «речи» (глаголе), автор сочинения отмечает основные категории, свойственный этой части речи: лицо, время, залог, число, спряжение, наклонение, три временных формы: **«И сего ради глаголется речь, яко разчнияющи лица же и времени, действие же и страсть, и обою купно, и егда показует коегож-**

¹ См.: *Калайдович К.* Иоанн, экзарх болгарский. М., 1824 (гл. V)

² См.: *Ягич И.В.* Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Исследования по русскому языку. Изд. Отделения русского языка и словесности. Т. 1. СПб., 1885–1895.

³ *Кузнецов П.С.* У истоков русской грамматической мысли. М., 1958. С. 91–97.

до лица действо, сице глаголет речь: Петръ учаше, Павелъ посылаше, и се яви действо мимошедшего времени, егда же глаголется: Петръ учитъ, Павелъ посылаетъ, се яви действо настоящего времени, егда же ми глаголетъ: ти вамъ имутъ судити, яви действо будущаго времени».

Ниже автор дает более подробную углубленную характеристику системы времен, уточняя, как делится далее прошедшее – «мимошедшее», или «предибывшее», – время на четыре времени «в протяжное, в неопределенное, в напредидеемое, в предложимое: предибывшее протяжное: **вѣахся**, неопредельное же: **вѣхъ**, двѣ же прочии языку неприятне». «Настоящее же неделимо есть, будущае же въдвое делится: въ помалѣ бывающее и въ будущае: въ помалѣ бывающего: **вити хошю**, будущаго же: **вити имамъ**». Пытаясь привести текст сочинения в определенное соответствие с нормами церковнославянского языка, автор отказывается от иллюстрации ряда форм примерами, заменяет сербские варианты форм старославянскими.

Давая характеристику трем глагольным залогам, автор отмечает также наличие формы простого будущего времени: «**хс распинается, слнце померцаеть, слнце померкнет, каменіе распадется**»: «се яви рѣчь настоящего, и будущаго времени **страсть**». В плане образования форм простого и сложного будущего времени мы можем констатировать, что в списке Псевдодамаскина нашла отражение определенная зависимость образования формы времени от характера видовой основы: форма простого будущего образована от основы СВ, формы будущего сложного от основы НСВ.

В сочинении отмечена и использована стяженная форма имперфекта, характерная для нормы русского извода церковнославянского языка.

Итак, данные сочинения «О восьми частях слова» свидетельствуют о том, что в представлении его переводчика или писца, внесившего в текст изменения, приводившие грамматические данные в соответствие с нормами церковнославянского языка русской редакции, грамматическая норма церковнославянского языка характеризуется наличием простых форм прошедшего времени, сложного и простого будущего времени. Способность форм настоящего времени выступать в значении будущего определяется характером основы.

Начиная с XVI в. все чаще и чаще попадаются в рукописных сборниках статьи грамматического содержания. У этих статей одна общая черта – их анонимность: неизвестно, кто впервые начал заниматься подобного рода рассуждениями, откуда он почерпнул сведения и где их применил – к школьному ли обучению, к другим ли занятиям⁴. Ничего нового по сравнению с сочинением «О восьми частях слова» они не содержат, иногда используются те же примеры, но для нас очень важно, что в ряде случаев используются иные примеры, подтверждающие наши предположения: отмечается употребление аориста, имперфекта, сложного и простого будущего времени, причем в рукописи № 24 есть указание на зависимость формы времени настоящего или простого будущего от видового характера основы: «**Вѣице хс стражет – се яви бывшее время, хс постражетъ се яви настоящее время и паки хс распнется: серѣчь яви хотящего быти**»⁵. В одной же рукописи грамматического содержания констатируется наличие трех чисел у русского глагола, интересно, что для 3-го л. двойст. числа отмечена форма с флекси-

⁴ Ягич И.В. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. С. 634, 635.

⁵ Там же. С. 761–762

ей *-та*, а в форме 1-го л. *-ва*. Таким образом, в представлении авторов грамматических сочинений нормы церковнославянского языка русской редакции вовсе не совпадали с грамматической нормой старославянских рукописей.

Наряду с грамматическими сочинениями, ориентировавшимся, главным образом, на греческие грамматические теории, в первой половине XVI в. появляется еще один источник – грамматические рассуждения, касающиеся латинского языка, перевод грамматических теорий о латинском языке и попытка приспособить древнерусский язык к латинским теориям, а также осмыслить русский язык через категории латинской грамматики. Так появляется **«Донатус сиречь грамматика и азбука переведена Дмитрием Толмачем с латинского языка 1522 года, а списана 1563 года»**.

Автор должен был и хотел дать русским пособие для изучения латинского языка. В своей грамматике он говорит о различиях между латинским и русским языками, о необходимости учитывать это при составлении пособий и при переводе. Хотя грамматика Толмача – учебник латинского языка, знание переводчиком своеобразия обоих языков, стремление давать примеры, ориентируясь на своеобразие системы русского языка, делают возможным использование Донатуса в качестве источника для истории русского языка. Донатус – это первое из рассмотренных нами грамматических сочинений, где даны парадигмы склонения и спряжения, где самому изложению свойственна последовательность, необходимая грамматикам.

Для Дмитрия Толмача совершенно ясна связь временной формы со строением глагольной основы, он знает различие глаголов по виду, хотя само понятие «вид» в его труде, естественно, не возникает. Давая спряжение глаголов в формах настоящего и будущего времени, он использует для иллюстрации простого будущего приставочный глагол совершенного вида, тогда как настоящее время образуется от глагола несовершенного вида.

В Донатусе рассматриваются три простые формы прошедшего времени: минувшее, или прешедшее несовершенное, минувшее совершенное время и минувшее пресвершенное. Первое и второе – это то, что в традиционной современной терминологии называется сигматическим аористом, отличаются, по Толмачу, лишь характером приставки. Интересно желание переводчика заменить морфологически невыразительные грамматические формы 2-го и 3-го л. ед. ч. аориста иными формами. Так возникает парадигма спряжения, где аорист во 2-м и 3-м л. ед. ч. заменяется перфектом без связки, но с местоимениями, указывающими на лицо глагола. И хотя в грамматике нет речи об употреблении и значении простых форм прошедшего времени и перфекта, сам факт замены может свидетельствовать о том, что, с точки зрения автора, по значению и употреблению аорист и перфект не различаются и могут использоваться в одних смысловых ситуациях. Возможность такой замены для автора является настолько несомненной, что он фиксирует ее в парадигмах грамматики не в качестве варианта, а как единственно возможную форму.

Минувшее пресвершенное образуется от основы несовершенного вида и по форме совпадает с имперфектом. И в этой временной парадигме обнаруживается объединение форм имперфекта и перфекта: в 3-м л. ед. ч. вместо ожидаемой формы **«любливаше»** есть форма **«любливал тои»**, а это значит, что формы аориста, имперфекта и перфекта в плане значения и употребления в церковнославянском языке XVI в. могут свободно варьироваться. Формальная взаимозаменяемость в определенных формах – это, вероятно, знак содержательного совпадения.

Таким образом, три формы времени в церковнославянском языке отличаются характером основ, что обуславливает специфику их значения, причем формы перфекта могут образовываться от всех основ, обозначая все три времени: прошедшее свершенное, несвершенное и пресвершенное. Согласно тем отношениям, которые устанавливаются между названиями времен и глагольными формами, аорист оказывается носителем значений прошедшего законченного и незаконченного, тогда как имперфект – значения, близкого к значению плюсквамперфекта.

В грамматике Дмитрия Толмача зафиксирована также определенная закреплённость аористных образований за основами глаголов совершенного вида, а имперфектных образований – за основами несовершенного вида.

Автор грамматики констатирует наличие двух чисел – единственного и множественного – как в системе глагола, так и имени.

К традициям Псевдодамаскина прибегает в своем руководстве **«ради скорого младенческаго наүченія»** Иван Федоров, создавший первую печатную азбуку. В ней мы находим новые формы будущего времени: сложные образования со вспомогательным глаголом «буду». Если учесть, что в русском языке сочетания с «буду» только начинают распространяться (их мало в актах XV в., их редкое использование в XVI в. отмечает С.Д. Никифоров), то, может быть, эта форма проникает в Азбуку под влиянием украинского и белорусского языков, где она развивается раньше.

Таким образом, Азбука – произведение, опирающееся на явления нормативно-го характера, она создана для **«младенческаго наүченія»** тому в русском языке, что оценивается как престижное, нормативное. Проникновение явлений живого языка, наблюдаемое в азбуке, свидетельствует, с одной стороны, о том, что изменяются представления о норме церковнославянского языка, с другой – в Азбуке фиксируются те элементы живого языка, которые, в представлении Ивана Федорова, становятся элементами известной ему и приемлемой для него нормы. Иван Федоров – мастер, прекрасно чувствующий и знающий церковнославянскую норму и в то же время знающий живой язык и те явления его, которые стали устойчивыми в жизни литературного языка. Поэтому явления живого языка, проникшие в Азбуку, вероятно, не случайность, а знак того, что они превращаются в факты, характеризующие церковнославянскую норму. И, вероятно, как раз в этом причина сочетания в Азбуке как явлений церковно-книжной традиции, восходящей к более раннему, выработавшемуся на русской почве церковнославянскому языку, так и явлений живого языка, представленных сравнительно небольшим количеством фактов.

Все рассмотренные грамматические сочинения, кроме Донатуса, не представляют собой систематического изложения сведений грамматического характера, не дают они и последовательно изложенных парадигм.

Описание грамматической нормы использования форм глагольного словоизменения в конце XVI – начале XVII в. осуществляется на основе исследования материала трех грамматик, характеризующихся систематическим изложением грамматического материала, – Адельфотеса (1591 г.), Грамматики Лаврентия Зизания (1596 г.) и Грамматики Мелетия Смотрицкого (1619 и 1648 гг.).

Хотя грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого строятся по образцу греческих, предметом анализа и описания является церковнославянский язык. Создатели этих грамматических трудов стремятся дать правила, с помощью которых

можно было читать, понимать и писать по-славянски. Описываемый в грамматиках язык не был церковнославянском языком первых восточнославянских памятников письменности. В грамматиках конца XVI – начала XVII в. были кодифицированы церковнославянские грамматические нормы именно этого периода. Сопоставление норм, зафиксированных в грамматиках, с характером церковнославянских норм, нашедших отражения в памятниках более раннего периода, фиксирует изменения, которые произошли в представлениях книжников о нормативном.

Категория числа

Во всех грамматиках констатируется наличие трех чисел: единственного, двойственного, множественного, причем М. Смотрицкий к этому добавляет: как и имена, глаголы обладают способностью изменяться по родам во всех числах.

В Адельфотесе зафиксирована числовая парадигма: **бїю, бїєва, бїємъ**, в грамматике Л. Зизания: **҃ч҃у, ҃ч҃ивѣ, ҃чимо** — в той части изложения, где характеризуются основные категории глагола, в той же части грамматики, где даны временные парадигмы, констатируются следующие формы двойственного числа:

	настоящее	мимолетное	протяженное	пресовершенное	будущее
1 л.	являєва, -вѣ	явиѡва, -вѣ	являѡва, -вѣ	являѡва, -вѣ	явива, -вѣ
2 л.	являєта	явиста	являста	являста	явита
3 л.	являєта	явиста	являста	являста	явита

Формы 1-го л. дв. ч. типа «**являєвѣ, -ва**», с точки зрения автора грамматики, употребляются дифференцировано: формы на **-вѣ** закреплены за глагольными формами, сочетающимися с именами женского рода, формы на **-ва** – за глагольными формами, сочетающимися с именами мужского и среднего рода. В грамматике М. Смотрицкого 1619 г. также отмчается, что глаголы имеют 3 числа: единственное: **г҃лю**, двойственное: **г҃лева**, множественное: **г҃лем**. В парадигматической же части грамматики предлагаются следующие образцы словоизменения в форме двойственного числа:

	настоящее	преходящее	прешедшее	мимолетное
1 л.	читаєва, -вѣ	чтоѡва, -вѣ	читаѡва, -вѣ	читааѡва, -вѣ
2 л.	читаєва, -тѣ	чтоста, -тѣ	читаста, -тѣ	читааста, -стѣ
3 л.	читаєта, -тѣ	чтоста, -тѣ	читаста, -тѣ	читааста, -тѣ
	непредельное		будущее	
1 л.	прочноѡва, -вѣ		прочтєва, -вѣ	
2 л.	прочноста, -тѣ		прочтєста, -тѣ	
3 л.	прочноста, -тѣ		прочтєста, -тѣ	

Иные формы в грамматике М. Смирницкого 1648 г.:

	настоящее	преходящее	прешедшее	мимолетное
1 л.	чтєма, -мѣ	чтоѡма, -мѣ	читаѡма, -мѣ	читааѡма, -мѣ
2 л.	чтєта, -тѣ	чтоста, -тѣ	читаста, -тѣ	читааста, -тѣ
3 л.	чтєта, -тѣ	чтоста, -тѣ	читаста, -тѣ	читааста, -тѣ
	непредельное		будущее	

1 л.	прочтохома, -мѣ	прочтема, -мѣ
2 л.	прочтоста, -стѣ	прочтѣста, -тѣ
3 л.	прочтоста, -тѣ	прочтѣста, -тѣ

Анализ форм двойственного числа, зафиксированных в грамматиках, позволяет предположить, что авторы их, не владея правилами использования и образования форм двойственного числа, но считая формы двойственного числа признаком церковнославянской нормы, конструируют образцовую парадигму. Реконструируемые ими формы отличаются как от исходных старославянских форм, так и от церковнославянских форм XV–XVI вв. (соответственно: **-вѣ, -та, -те** и **-ва, -та, -те; вѣ, -та, -та**), одинаковых для всех трех родов. Им соответствуют в грамматике М. Смотрицкого два ряда форм: **-ва, -та, -та** (для мужского и среднего рода) и **-вѣ, -тѣ, -тѣ** (для женского рода). Грамматика Л. Зизания предлагает различать формы муж. и ср. рода, с одной стороны, и жен., с другой, лишь в форме 1-го л. дв. ч. глаголов во всех спрягаемых формах. В Адельфотесе нет полной глагольной парадигмы дв. ч., в форме 1-го л. дв. ч. отмечены лишь формы на **-ва: біѣва**.

Таким образом, отсутствие категории двойственного числа в живом языке XVI–XVII вв. дало толчок для свободного конструирования его форм создателями грамматик. Образование двух рядов форм на **-вѣ** и на **-ва** идет в полном соответствии с характером форм, предложенных в парадигмах имен существительных, прилагательных, местоимений:

И. ед.: **дѣва, яремъ, древо, блага, благин, благое, азъ, ты**

И. дв.: **дѣвъ, ярема, древа, блазѣ, блага, блага, нѣ** (жен.) / **на** (м., ср.), **вѣ** (жен) / **ва** (м., ср.)

М. Смотрицкий (и отчасти Л. Зизаний) как бы «согласовывают» до полного соответствия и совпадения флексий формы имени, глагола и местоимения в словосочетании:

тѣ двѣ блазѣ дѣвъѣ естѣ (жен. род)

та дѣва блга мѣжа еста (муж. род)

та дѣва древа еста (ср. род)

Утрата двойственного числа в славянских языка представляла собой сложный и длительный процесс: его формы постепенно утрачивали значение двойственности, значение двух предметов, противопоставляемых одному и выделяемых из многих. Они по своему значению все более сближались с формами множественного числа, и это сближение могло доходить до полного отождествления⁶.

Уже в памятниках XI–XII вв. отмечаются нарушения в употреблении форм двойственного числа, что позволяет говорить о начале разрушения категории. В XVI–XVII вв. категория двойственного числа – категория мертвая. Однако авторы грамматик являются носителями знаний о том, что церковнославянский язык знает формы двойственного числа. Более того, для них употребление их имеет стилистически маркированный характер, это признанный, осознаваемый церковнославянизм. Вот почему так внимательны Л. Зизаний и М. Смотрицкий к реконструкции уже не существующей категории двойственного числа. Это, по существу, единственные формы, в парадигмах которых нет вариантов и различий. Совершенно очевидно, что реконструкции такого рода возможны лишь на материале, который не связан с реальным функционированием форм и допустим лишь в том

⁶ См.: *Иорданский А.М.* История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960.

случае, если за формами, данными в парадигмах грамматики, нет речевых ассоциаций, живых процессов.

Наряду с вопросом о происхождении, источниках форм на **-ва** и **-вѣ** интересным является вопрос об источниках окончаний 1 л.: дв. ч. во всех спрягаемых формах глагола, представленных в грамматике М. Смотрицкого 1648 г. В соответствии с окончаниями 1-го л. **-ва**, **-вѣ**, данными в Грамматике М. Смотрицкого 1619 г. и в грамматике Л. Зизания, в грамматике М. Смотрицкого 1648 г. зафиксированы окончания 1-го л. **-ма**, **-мѣ**. Каким может быть происхождения этих форм? Опора на церковнославянские формы, имевшие хождение в памятниках древнерусской высокой книжности, не дает ответа на вопрос. Вероятно, в условиях завершившегося «падения» грамматической категории двойственного числа единственной опорой, единственным ориентиром для конструирования форм в литературном языке были формы личного местоимения в форме 1-го л. дв. ч. Известно, что исследователи связывают флексию **-вѣ** с формой личного местоимения 1-го л. дв.ч. В сохранивших двойственное число словенском и лужицком языках флексия и ныне совпадает полностью или частично с формой 1-го л. дв. ч. личного местоимения: лужиц.: личное местоимение 1-го л. дв. ч. – *moj*, 1-го л. дв. ч. настоящего времени – *wuknjemoj*, *smoj*, и проч. В словенском языке при *midva* (м. р.), *midve* (ж. и ср. р) форма 1-го л. дв. ч. глаголов: *grewa*, *delawa* и под.

Местоимения переживают свою историю. Исчезновение категории двойств.ч. отразилось, естественно, на формообразовании местоимений, в том числе личных. В исследовании А.М. Иорданского⁷ отмечается, что формы 1-го и 2-го л. дв. ч. личных местоимений **«вѣ»** и **«ва»** уже в XII–XIII вв. заменяются формами мн. ч. **«мы»**, **«вы»**. Констатируется также, что форма **«вѣ»** держится дольше: она встречается в памятниках XIV и даже XV в., что, вероятно, можно объяснить влиянием стоящих при форме местоимения **«вѣ»** глагольных форм 1-го л. дв. ч., имеющих окончание **«-вѣ»**. Однако с XIV–XV вв. в дв. ч. известны главным образом формы с флексиями: **-вѣ**, **-та**, **-та**, этимологически уже не связанные с формами личного местоимения 1-го л. дв. ч. А.М. Иорданский высказывает предположение, что в XVI–XVII вв. формы дв. ч. осознаются книжниками как стилистически окрашенная разновидность форм мн. ч. Этимологическая связь глагольной флексии 1-го л. дв. ч. с соответствующей формой личного местоимения теряется, поэтому она не осознаются и М. Смотрицким. Исходным церковнославянским формам: И. **вѣ**, В. **на**, Р.М. **наю**, Д.Т. **нама** в грамматиках 1619 и 1648 гг. соответствуют формы: И. В. **нѣ** (ж. р.), **на** (м., ср.р), Р. М. **наю**, Д. Т. **нама**. В пределах одной падежной парадигмы формы выравниваются по аналогии: так вместо формы **«вѣ»** (1-е л.) появляется этимологически не обусловленная форма **«нѣ»**.

Таким образом, исчезла взаимная обусловленность окончаний форм 1-го л. дв. ч. личного местоимения и 1-го л. дв. ч. глагольных спрягаемых форм. Эти связи в сознании автора и справщиков оказались разорванными. Вопреки реальному, этимологически и исторически достоверному словосочетанию **«вѣ чьтоховѣ»** в грамматике 1648 г. появляется **«нѣ чьтохомѣ, на чьтохома»**. За формами, которые предлагает автор грамматики, нет аналогий в живом языке, а потому он не может для себя интерпретировать находящиеся в памятниках формы. Сложность ситуации усиливается большим числом разночтений, разным характером этих разночтений, отсутствием последовательности в использовании форм дв. ч., смещением форм дв. и мн. числе, совпадением их значений. Поэтому автор позво-

⁷ Иорданский А.М. История двойственного языка в русском языке. С. 28–30.

ляет себе «выровнять» парадигмы словоизменения в форме дв. ч. личных местоимений 1-го и 2-го л., создав две параллельные стройные парадигмы:

	АЗЪ	ТЫ	при старославянском и древнерусском:	АЗЪ	ТЫ
И. В. З.	нѣ, на	вѣ, ва		вѣ, на	ва, ва
Р. М.	наю	ваю		наю	ваю
Д. Т.	нама	вама		нама	вама

Составителем созданы парадигмы словоизменения личных местоимений в форме дв. ч. таким образом, что корневой элемент *-н-* закрепляется за парадигмой словоизменения местоимения 1-го л., а элемент *-в-* – за парадигмой словоизменения местоимения 2-го л. При этом форма местоимения «**вѣ**» для него уже ни в коей мере не ассоциируется с 1-м л. дв. ч. Следовательно, поскольку такие ассоциации не порождаются и не поддерживаются словоизменением глаголов, он, нисколько не сомневаясь, форму 1-го л. дв. ч. «**вѣ**» закрепляет за местоимением 2-го л. Ему известны формы «**вѣ**» и «**ва**», но он неправильно себе представляет их функции, их место в системе понимает ошибочно. Вероятно, ему известны формы типа «**чтоховѣ**» и «**чтохова**», вариант исходной формы, получивший распространение в памятниках письменности позже в XIV в., но он не понимает их места в системе форм, считая различия родовыми, тогда как это явления разных этапов развития церковнославянского языка.

Таким образом, конструирование форм, которые встречаются только в грамматике М. Смотрицкого 1648 г.: **чтохома**, **чтохомѣ**, обусловлено падением категории двойственного числа и отсутствием речевых ассоциаций. Автор создал контаминированную форму типа «**чтохома**», где *-м-* – элемент, передающий признак мн. ч., *-а-* – признак двойственности, а затем, абсолютно логично, параллельно к этому образованию возникла форма ж. р. – «**чтохомѣ**».

Категория времени

Учение о глагольных временах авторов трех грамматик опирается на систему глагольных времен в греческом языке и иллюстрируется той системой церковнославянских временных форм, которая имеет место в памятниках церковнославянской письменности русской редакции.

В Адельфотесе отмечается наличие шести временных форм:

настоящее, яко бѣю

мимошедшее, яко ѹбихѣ

протѣженное, яко бѣхѣ

пресѣвершенное, яко бѣхѣхѣ

непределное, яко бихѣ

будущее, яко ѹбѣю

В дальнейшем в той части грамматики, где характеризуется формоизменение глаголов изъявительного наклонения страдательного залога, рассматриваются не одна, а три формы будущего времени: **ѹбѣюся** (будущее, по терминологии авторов Адельфотеса), **битисѣ хощѣ** (также будущее), **битисѣ имамѣ** (по **малѣ бѣвающее**). Кроме того, определенные разночтения возникают при подборе церковнославянских соответствий греческой форме *παράτατικός* (мимошедшее): **ѹбихѣ** (при «**бихѣ**» в форме неопределенного): **бихѣ** (при «**бихѣ**» в форме неопределенного): **творихѣ** (при «**сътворихѣ**» в форме неопределенного). Очевидно, что формы, иллюстрирующие ми-

мошедшее и неопределенное времена, представляют собой аористные формы, отличающиеся друг от друга наличием / отсутствием приставок у глагольной основы, а в конечном счете – видовой характеристикой основы глагола. Однако формы типа «**ВИХЪ**» / «**ҪВИХЪ**» употребляются безразлично к форме греческого времени.

Л. Зизаний в грамматике отмечает наличие трех временных форм: настоящего, протяженного и будущего, замечая далее: «**ИЗЪ НИХЪ ЖЕ И ИНАЯ ТРИ РАЖДАЮТСЯ: ИЗЪ НАСТОЯЩАГО МИМОШЕДШЕЕ, ИХЪ ПРОТЯЖЕННАГО ПРЕСОВЕРШЕННОЕ, ИЗЪ БУДУЩАГО НЕПРЕДЕЛЬНОЕ**», то есть констатируется наличие тех же шести временных форм, фиксируется дефектность ряда глаголов, невозможность образовать все формы времени от некоторых глаголов. Л. Зизаний предлагает следующие церковнославянские соответствия греческим временным формам:

настоящее:	ЯВЛЯЮ	ГЛАШҪ
мимошедшее	ЯВИХЪ	ГЛАСИХЪ
протяженное:	ЯВЛАХЪ	ГЛАШАХЪ
пресовершенное:	ЯВЛААХЪ	ГЛАШААХЪ
неопределенное:		ВЗЪГЛАСИХЪ
будущее:	ЯВЛЮ	ВЪЗГЛАШҪ

Неопределенное время в грамматике появляется лишь в парадигмах формоизменения глагола «**ГЛАСИТИ**» и «**БЫТИ**».

При характеристике временных форм Л. Зизаний и составители Адельфотеса близки друг другу. Схема, которая определяет порядок их изложения, определяется временной глагольной системой древнегреческого языка. Понимание же системы греческих времен, толкование временных значений, судя по приводимым примерам, практически совпадают.

Иначе излагает материал и характеризует систему церковнославянских времен М. Смотрицкий. В отличие от своих предшественников он не только перечисляет названия шести форм времени, но и определяет их значение: «**НАСТОЯЩЕЕ** есть имъже настоящее дѣйство или страдание знаменѹемъ, яко бѣю, бѣюся, или бѣень бываю; **ПРЕХОДЯЩЕЕ** есть имъже несовершенно прешлое дѣйство или страдание знаемнѹемъ, яко вихъ, вихъся, или бѣень есмь и выхъ; **ПРЕШЕДШЕЕ** есть имъже совершенно прешлое дѣйство или страдание знаменѹемъ, яко бѣяхъ, бѣяхъся или бѣянъ есмь и выхъ; **МИМОШЕДШЕЕ** есть имъже в малѣ совершенно прешлое дѣйство или страдание знаменѹемъ, яко бѣяхъ, бѣяхъся или бѣянъ бывахъ; **НЕПРЕДЕЛЬНОЕ** есть имъже в малѣ совершенно прешлое дѣйство или страдание знаменѹемъ, яко повихъся, или повѣень выхъ; **БУДУЩЕЕ** есть имъже грядѹщее дѣйство или страдание знаменѹемъ, яко побѣю, побѣюся или повѣень бѹдѹ».

Кроме того, М. Смотрицкий дает схему образования форм времени глаголов совершенных и учащательных, а также касается вопросов функционирования глагольных временных форм. В отличие от составителей Адельфотиса и Л. Зизания, которые ограничиваются фиксированием парадигм спряжения без комментариев, М. Смотрицкий в разделе о глаголе, как и в других, учит читателей, предлагая их вниманию систему правил. Он определяет правила образования форм времени, рассматривает специфику значения форм прошедшего времени, отмечает деепричастия как особую по отношению к глаголу и причастию форму, говорит о специфике неопределенного наклонения, особое внимание уделяет спряжению безличных глаголов, отдельно дает формоизменение «иносклоняемых» глаголов, в частности «стропотных», выделяя в эту группу нетематические глаголы. Но схе-

му расположения материала у М. Смотрицкого определенным образом влияет последовательно учитываемое различие глаголов личных и безличных, глаголов вида совершенного и учащательного.

Обращаясь к вопросу функционирования глагольных временных форм, М. Смотрицкий делает знаменательное замечание («**оувѣщеніе**»), опережающее на несколько десятилетий констанцию Лудольфа о том, что русские говорят по-русски, а пишут по-славянски: **«Времена: преходящее, прешедшее, мимошедшее и непредѣльное наклонения сего изъявиѣтельнаго рѣска иногда языка навыкомъ дѣйствителнѣ и страдателнѣ произносима быти обрѣаемъ: сице сѣществительнымъ глаголомъ растворяема: яко преходящее:**

челъ есмь, челъ еси, челъ есть

чла есва, чла еста, чла еста

члѣ есвѣ, члѣ естѣ, члѣ естѣ

чли есмы, чли есте, чли сѣть

прешедшее: читалъ есмь и проч.,

мимошедшее: читаалъ есмь и проч.,

непредѣльное: прочелъ есмь и проч.

Тождѣ разѣмен и о глѣхъ спряженія втораго»

Таким образом, М. Смотрицкий признает существование двух норм использования глагольных времен, четко представляет себе сферу употребления форм, зафиксированных в парадигмах грамматики, с одной стороны, и данных в «**увѣщеніи**», с другой.

Согласно определению значений временных форм, данному М. Смотрицким, четыре формы прошедшего времени соответственно обозначают прошедшее, но не полностью законченное действие, продолжающее существовать как результат (преходящее: **вихъ, віенъ есмь, выхъ**), давно законченное действие (мимошедшее: **віахъ, віанъ бывахъ**), просто действие, имевшее место в прошлом и полностью завершённое (прешедшее: **віахъ, віанъ есмь и выхъ**), действие в прошлом, недавно завершённое (непредельное: **повихъ, повіень выхъ**).

Преходящее и непредельное времена передаются аористом и отличаются друг от друга как форма аориста от основы совершенного вида и форма от основы несовершенного вида. Таким образом, формы аориста обозначают действие в прошлом, не завершившееся и связанное своим результатом с настоящим, или действие в прошлом, если неизвестно, безразлично, когда именно оно произошло. Соответствие преходящего и непредельного времен как форм аориста от основ СВ и НСВ подтверждается и русскими перфектными образованиями, данными М. Смотрицким в уже цитированном «**увѣщеніи**». Формами имперфекта иллюстрируются в грамматике М. Смотрицкого мимошедшее и прешедшее времена, т. е. М. Смотрицкий использует формы имперфекта для обозначения действия, давно законченного (то есть в значении плюсквамперфекта), и действия, недавно завершённого в прошлом⁸.

Все рассматриваемые временные значения могут передаваться не только определенными временными формами, но также сочетанием причастия с вспомогательным глаголом «**быти**» в форме настоящего или прошедшего времени. Анализ этих форм дает возможность предположить, что в значение временных форм «непредельного» и «преходящего» включена семантика результата. Форма «мимо-

⁸ Античные теории языка и стиля. Л., 1936. С. 129–131.

шедшего» времени обозначает повторявшееся действие в прошлом. Можно предположить также, что в описываемые значения заложена также информация об отношении действия к моменту речи: преходящее время связано с моментом речи значением результативности, предельное время не акцентирует внимание на факте разобщенности с моментом речи, тогда как мимошедшее и прешедшее разобщены с моментом речи, поскольку их завершенность в далеком прошлом или непосредственно перед моментом речи фиксируется.

Знаменательно, что в описание форм времени М. Смотрицким не включена форма сложного прошедшего времени, хотя автор ее, конечно, знал. Вероятно, перфект (форма на -л-) стал для авторов стилистической приметой русской речи, русских рукописей. Поэтому иной роли, кроме роли вспомогательной, создатели грамматик этой форме не отводят.

Формы в «**ѸВѢЩЕНІИ**» свидетельствуют о том, что в представлении авторов грамматик существовала одна форма перфекта, образуемая посредством причастия на -л- и вспомогательного глагола в форме настоящего времени. Основы спрягаемых глаголов отличались друг от друга по значению, чем и обуславливалась возможность передачи той суммы значений, которая в книжнославянской письменности передавалась системой временных форм, включавшей в себя аорист, имперфект, перфект, плюсквамперфект.

Названия временных форм совпадают лишь в Адельфотесе и грамматике Л. Зизания. В грамматике М. Смотрицкого зафиксированы иные названия. Вероятно, это разные переводы греческих соответствий. Названия в грамматике М. Смотрицкого, думается, больше соответствуют тому значению, которое автор грамматики вносит в описываемые формы. К сожалению, составители Адельфотеса и Л. Зизаний не объясняют, носителями каких значений являются проводимые ими времена. Мы можем определить лишь путем сопоставления названий, приведенных в грамматике Л. Зизания с греческими названиями и иллюстрирующими их примерами, имеющими место в Адельфотесе, поскольку, как известно, церковнославянские формы Адельфотеса – лишь параллели и переводы греческих соответствий.

Адельфотес	Л. Зизаний	М. Смотрицкий
настоящее: бію мимошедшее: вихъ протяженное: біяхъ пресовершенное: біахъ непредѣльное: ѹвихъ будущее: ѹбію по малѣ бывающее: имамъ бити будущее: хощу бити	настоящее: являю мимошедшее: явихъ протяженное: являхъ пресовершенное: являхъ непредѣльное: взгласихъ будущее: явлю	настоящее: бію преходящее: вихъ прешедшее: біяхъ мимошедшее: біахъ непредѣльное: повихъ будущее: повію

Сопоставление данных грамматик показывает, что автором устанавливались следующие параллели:

παράτατικός – мимошедшее (З., А.), преходящее (С.): **вихъ**
παρακειμένος – протяженное (З., А.), прешедшее (С.): **біяхъ**
περσοντελικός – пресовершенное (З., А.), мимошедшее (С.): **біахъ**
αοριστός – непредѣльное (З., А.), непредѣльное (С.): **вихъ, повихъ**

При этом следует иметь в виду, что *παράτατικός* – это временная форма, обозначающая длительное действие в прошлом, переводящаяся на современный русский

язык по преимуществу формами прошедшего времени глаголов НСВ. Такое действие в старославянском языке обозначалось формами имперфекта. *Παρακετεμενος* – прошедшее совершенное, перфект. Это временная форма называет состояние, последовавшее за прошедшим действием, являющееся результатом этого прошедшего действия, актуальным для настоящего. В современном русском языке эта форма переводится глаголом СВ в форме прошедшего времени в сочетании с «уже», «теперь», «в настоящее время». *Περσυντελικος* – плюсквамперфект, давнопрошедшее или предпрошедшее время. Эта временная форма передает состояние, последовавшее за действием в прошлом как его результат и существовавшее в упоминаемое прошедшее время. Переводится на русский язык посредством глагола СВ в форме прошедшего времени в сочетании с «уже», «тогда», «в то время». Формы «*вѣахъ*, *читаалъ*», которыми иллюстрируется данная форма в грамматиках, вероятно, в определенной мере передает специфику образования древнегреческого плюсквамперфекта. Наличие формы «*читаалъ*» наряду с «*вѣахъ*» свидетельствует о том, что нет основания трактовать вторую форму как нестяженную форму имперфекта. *Αοριστος* – это временная форма, обозначающая действие в прошлом, не обладающая в этом плане дополнительными характеристиками, переводящаяся глаголом СВ в форме прошедшего времени⁹.

Таким образом, авторы грамматик обозначают формой церковнославянского аориста древнегреческие имперфект и аорист, имперфект передается формой церковнославянского аориста НСВ, аорист – формой аориста СВ (исключение составляет система соответствий в Адельфотесе, где имперфект *παρτατικος* передается аористом СВ, а *αοριστος* – аористом НСВ, при этом обе формы могут переводиться церковнославянским аористом НСВ «*вихъ*»).

Формой имперфекта переводится (в Адельфотесе) и иллюстрируется в грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого перфект и плюсквамперфект – *παρακετεμενος* и *περσυντελικος*.

Приведенная выше характеристика древнегреческих временных форм в основном соответствует значениям, которые даны прошедшим временам в грамматике М. Смотрицкого. Семантическая характеристика древнегреческих временных форм авторам известна. Используемые же для перевода и иллюстрации церковнославянские формы ясно свидетельствуют о том, что создатели грамматик плохо себе представляют точное значение церковнославянских форм времени, вкладывая в аористные и имперфектные формы всю совокупность временных характеристик претерита. Они не используют церковнославянских форм перфекта и плюсквамперфекта, считая, вероятно, признаком церковнославянской нормы лишь имперфект и аорист, а в силу этого значения перфекта и плюсквамперфекта приписываются формам имперфекта. В грамматиках форма имперфекта вообще лишена своего исконного значения: оно передается формой аориста НСВ. Может быть, дальнейшее изучение материала памятников покажет, что церковнославянские формы времени в XVI, XVII столетиях и ранее использовались с иными значениями, нежели в памятниках старославянского языка, однако и в таком случае это окажется спецификой нормы церковнославянского языка изучаемого периода.

⁹ *Соболевский С.И.* Краткий очерк грамматики древнегреческого языка // Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. М., 1958. С. 1841–1848; см. также: Античные теории языка и стиля. Л., 1936; 77. *Семенюк С.И.* Учение римских грамматиков о глаголе: Автореферат дисс. ...канд. филол. наук. Львов, 1972.

Словоизменение спрягаемых глагольных форм

Спряжение глаголов в Адельфотесе и в грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого в формах настоящего и простого будущего времени в основном соответствует данным памятников этого периода. Исключение составляют образования форм двойственного числа.

Грамматика Л. Зизания			Грамматика М. Смотрицкого 1619 г.	
л.	настоящее время	будущее время	настоящее время	будущее время
1	-ѹ, -ю	-ѹ, -ю	-ѹ, -ю	-ѹ, -ю
2	-ѣши, -иши	-ѣши, -иши	-ѣши, -иши	-ѣши, -иши
3	-ѣтъ?, -итъ?	-ѣтъ, -итъ	-ѣтъ, -итъ	-ѣтъ, -итъ
	дв. ч.	дв. ч.	дв. ч.	дв. ч.
1	-ва, -вѣ	-ва, -вѣ	-ва, -вѣ	-ва, -вѣ
2	-ѣта, -ита	-ѣта, -ита	-ѣта, -ита	-ѣта, -ита
3	-ѣта, -ита	-ѣта, -ита	-ѣта, -ита	-ѣта, -ита
	мн. ч.	мн. ч.	мн. ч.	мн. ч.
1	-ѣмъ, -имъ (мо)	-ѣмъ, -имъ (мо)	-ѣмъ, -имъ	-ѣмъ, -имъ
2	-ѣте, -ите	-ѣте, -ите	-ѣте, -ите	-ѣте, -ите
3	-ѣтъ? -атъ? (-ютъ?), (-ятъ?)	-ѣтъ, -атъ (-ютъ), (-ятъ)	-ѣтъ, -атъ (-ютъ), (-ятъ)	-ѣтъ, -ятъ (-ютъ), (-ютъ)

Реконструируя на основе данных Адельфотеса формы будущего сложного (Л. Зизаний и М. Смотрицкий форм будущего сложного не дают), можно предположить, что парадигмы были таковы:

л.	ед. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1	имаѣмъ, хощѹ бити	имаѡа, хощѡѡа бити	имаѡмъ, хотим бити
2	имаши, хощѣши бити	имата, хощѣта бити	имате, хотите бити
3	иматѣъ, хощѣтѣъ	имата, хощѣта бити	имають, хотятъ бити

Отсутствие форм будущего сложного в грамматиках Л. Зизания и М. Смотрицкого – интересный факт. Сложность ситуации авторы грамматик обходят просто: они образуют лишь формы простого будущего от приставочных глаголов: читаю (настоящее), прочту (будущее). В результате отпадает необходимость в формах будущего сложного. Может быть, сочетания инфинитива с «**ИМАМЪ**», «**ХОЩѹ**» не осознаются ими как формы будущего времени, кажутся им сочетаниями глагольных форм, передающих не будущее время или не только будущее время. Авторы грамматик не включили в парадигмы даже формы с «**ИМАМЪ**», являющуюся принадлежностью книжного языка. Формы же будущего времени глаголов НСВ с вспомогательным глаголом «**БѹДУ**» для авторов грамматик становятся явным стилистическим признаком живой русской речи. Форму «**БѹДУ**» авторы рассматривают как форму будущего времени глагола «**БЫТИ**».

В формах прошедших времен в грамматиках фиксируются следующие окончания:

Грамматика Л. Зизания				Грамматика М. Смотрицкого			
л.	мимошед.	протяжен.	пресоверш.	преходящ.	прешедшее	мимошед.	непределное
1	яви ^х	явля ^х	являя ^х	чтохъ	чита ^х	читаа ^х	прочто ^х
2	ява ^{ль} еси, яви	явля ^{ль} еси, являше	являа ^{ль} еси, являше	челъ	читалъ	читаа ^{ль}	прочелъ
3	яви	являше	являше	чте	читаше	читааше	прочте
	дв. ч.			дв. ч.			

1	яви́хова, яви́ховѣ	явля́хова, явля́ховѣ	являа́хова, являа́ховѣ	что́хова, что́ховѣ	чита́хова, чита́ховѣ	читаа́хова, читаа́ховѣ	прочто́хова, прочто́ховѣ
2	явиста	являста	являаста	чтоста, чтостѣ	читаста, читастѣ	читааста, читаастѣ	прочтоста, прочтостѣ
3	явиста	являста	являаста	чтоста, чтостѣ	читаста, читастѣ	читааста, читаастѣ	прочтоста, прочтостѣ
	мн. ч.			мн. ч.			
1	яви́хо ^м	явля́хо ^м	являа́хо ^м	что́хомъ	чита́хомъ	читаа́хомъ	прочто́хомъ
2	явистѣ	являстѣ	являастѣ	чтостѣ	читастѣ	читаастѣ	прочтостѣ
3	явише	являху, являша	являаху, являаша	чтоша	читаху, читаша	читааху, читааша	прочтоша

Л. Зизаний при спряжении глагола «**являти**» форм «непредельного» времени не дает, так же как и при спряжении глагола «**бити**»; форма непредельного времени появляется лишь при спряжении глагола «**възгласити**». В грамматике же М. Смотрицкого для образования формы непредельного времени оказывается достаточным использовать приставочный глагол. Формы будущего простого и непредельного образуются таким образом, от одной основы – от основы совершенного вида, и этим их формоизменение отличается от формоизменения всех других временных форм, включая настоящее время.

Все простые формы прошедшего времени, данные в таблице, – это формы аориста и имперфекта, соответствующие тем простым претеритам, которые использовались в памятниках письменности. Интересно, что в грамматике Л. Зизания в форме 2-го л. ед. ч. одинаково возможны формы аориста или имперфекта и формы перфекта со связкой. Причем если Л. Зизаний дает в форме 2-го л. ед. ч. вариантыные окончания и рассматривает их как равно возможные, в грамматике М. Смотрицкого форма на *-л-* – единственно возможная. Форма 3-го л. ед. ч., судя по материалам грамматик, не допускает вариантыных окончаний: в парадигмах зафиксированы либо форма аориста, либо форма имперфекта.

Предлагая во 2-м л. ед. ч. вариантыное окончание: форму перфекта со связкой или без связки к формам аориста или имперфекта, – авторы вновь утверждают нас в мысли, что значений простых форм прошедшего времени они не знают, различий в значении простых форм прошедшего времени и перфекта не видят. Формы перфекта, с их точки зрения, могут заменять формы имперфекта и аориста, следовательно, перфект уже безразличен к тому специфическому значению, носителем всей совокупности значений, которая исконно передавалась сложной системой временных норм.

В формах мн. ч. вариантыные окончания есть в форме 3-го л. прошедшего и мишодшедшего времен в грамматике М. Смотрицкого (у Л. Зизания им соответствуют протяженное и пресовершенное), где одинаково возможны формы аориста и имперфекта. Это абсолютные варианты, дублиеты; никак не оговариваются условия их употребления, сама подача материала подчеркивает их равновозможность. И снова мы имеем дело с решительным неразличением аориста и имперфекта, с непониманием, незнанием существования «противопоставления аорист – имперфект». Следует, правда, отметить, что, если это глагол СВ, осложненный приставкой, или глагол НСВ с невыраженной формально имперфективностью, то грамматики дают формы аориста без вариантыных окончаний. Если же формы образуются от основы НСВ с формально выраженной имперфектностью, в грамматиках констатируется наличие вариантыных окончаний в форме 3-го л. мн. ч. Ясно, что в этих случаях смешение еще глубже: единственное отличие аористой парадиг-

мы от имперфектной в окончаниях 2-го, 3-го л. ед. ч. и в 3-м л. мн. ч. Если же в этих формах фиксируются вариантыные окончания, мы и имеем дело с контаминированной аористно / имперфектной парадигмой.

При анализе форм изменения вспомогательного («**СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО**») глагола «**БЫТИ**» Л. Зизаний и М. Смотрицкий дают следующие формы:

л.	Л. Зизаний				М. Смотрицкий			
	наст.	мим.прот.	непредел.	будущ.	наст.	преж.	прешед.	будущ.
1	есмъ	бѣхъ / бы ^х	быхъ	бѹдѹ	есмь	бѣхъ	быхъ	бѹдѹ
2	еси	бѣ / бяше	быль еси / бяше	бѹеши	еси	быль	быль	бѹдеши
3	естъ		бысть / бяше	бѹдет	естъ	бѣ	бысть / баше	бѹдетъ
1	есва	бѣховѣ	быховѣ	бѹдева	есва,ѣ	бѣхова, ѣ	быхова, вѣ	бѹдева, ѣ
2	еста	бѣста	выста	бѹдета	еста,ѣ	бѣста, ѣ	выста, тѣ	бѹдета, ѣ
3	еста	бѣста	выста	бѹдета	еста,ѣ	бѣста, ѣ	выста, тѣ	бѹдета, ѣ
1	есмо	бѣхомъ		бѹдем	есмы	бѣхомъ	быхомъ	бѹдемъ
2	есте	бѣсте		бѹдете	есте	бѣсте	высте	бѹдете
3	сѹтъ	бѣхѹ / бѣша		бѹдѹтъ	сѹтъ	бѣхѹ / бѣша	бяхѹ / быша	бѹдѹтъ

В грамматике Л. Зизания в формах мимощедшего и протяженного подтверждает-ся существование уже некоей смешанной парадигмы аористно-имперфектного образования. Но если в случае образования временных форм от других глаголов автор пытается различать формы аориста и имперфекта и образовывает их от разных глагольных основ, то при словоизменении глагола «**БЫТИ**» в одной парадигме происходит смешение форм разных глагольных времен в рамках одного глагола.

В грамматике Л. Зизания спряжение глагола «**БЫТИ**» в форме настоящего времени ед. ч. соответствует старославянской (церковнославянской) норме, в грамматике М. Смотрицкого в 3-м л. ед. ч. вместо ожидаемого окончания **-тъ** – **-ть**, в дв. ч. вместо нормативных **-вѣ**, **-та**, **-те** – формы, оканчивающиеся на **-ва**, **-та**, **-та**. У Смотрицкого же, как и во всех остальных глагольных формах, в форме дв. ч. различаются флексии м. р. и ср. р., с одной стороны, и ж. р., с другой. В форме 1-го л. мн. ч. от исходной нормы отступают и Л. Зизаний и М. Смотрицкий: первый вместо нормативного **-мъ** предлагает **-мо**, второй – **-мы**.

Пресовершенного (мимощедшего – в грамматике М. Смотрицкого) времени нет в обеих грамматиках, формы будущего в основном соответствует норме (кроме форм дв. ч.), и лишь ничего нельзя сказать об окончании 3-го л. ед. и мн. ч., поскольку «т» вынесено над строкой.

Совпадают в основном формы неопределенного в грамматике Л. Зизания и прошедшего в грамматике М. Смотрицкого. Это аорист глагола «**БЫТИ**» в форме «**БЫХЪ**». Особенность этих форм в том, что во 2-м л. ед. ч. аорист заменяется перфектом (у М. Смотрицкого без связи) с имперфектом, а в 3-м л. возможны и аорист «**БЫСТЬ**» и имперфект «**БЯШЕ**». В формах дв. ч. вариантыных форм нет. В формах мн. ч. варианты имеют место в 3-м л. в формах прошедшего времени. Фиксируется возможность параллельного использования форм аориста и имперфекта: **бѣхѹ** и **беша**, **бяхѹ** и **быша**. Таким образом, иногда вариантными оказываются флексии, в других случаях формы в целом. У Л. Зизания совпали формы мимощедшего и протяженного, вариантыные формы и флексии к «**Бѣхъ**» в его грамматике этимологически разнообразны и исторически, казалось бы, несовместимы: **бѣхъ / быхъ**, **бѣ / бяше**, **бѣхѹ / бѣша**, т. е. к форме аориста вариантами мо-

гут быть аорист, образованный от другой основы, имперфект и перфект, а аористная парадигма завершается в 3-м л. мн. ч. формой имперфекта. В данном случае это не только картина невладения функциональными и семантическими нормами, но также незнание законов формообразования. Смещение же в рамках одной основы форм аориста, имперфекта и перфекта свидетельствует о неразличении последних как в формальном, так и в семантическом плане.

Данные грамматики конца XVI – начала XVII в. характеризуют представления русских книжников о норме употребления глагольных спрягаемых форм в XVI–XVII вв. Язык, описанный в рассмотренных грамматиках, – это церковнославянский язык XVI – начала XVII вв.

О степени императивности церковнославянской морфологической нормы, кодифицированной в грамматических трудах конца XVI – начала XVII в.

В грамматике М. Смотрицкого 1619 и 1648 гг. очень четко определена специфика использования форм прошедшего времени в книжнославянском и русском языке XVII в. Это своеобразие (функционирование всей совокупности простых прошедших времен в книжно-славянском языке и форм на *-л-* в русском языке) является частью той ситуации, когда для книжно-литературного языка (церковнославянского в своей основе) возникает кризисная ситуация, так как его употребление вступает в противоречие с развивающимся национальным самосознанием. В этих условиях особенно интересно изучение явлений, по-разному реализующихся в различных сферах применения. В частности, это распространяется на такую область грамматики, как система видо-временных отношений.

Одним из средств характеристики литературного языка определенного периода является степень императивности кодифицированной нормы для говорящих и пишущих на данном языке, соотношение между системой кодифицированных форм и узусом¹⁰.

Цель наша – попытаться сравнить церковнославянскую норму формоизменения спрягаемых глагольных форм, представленную в грамматиках конца XVI – начала и середины XVII вв., с той нормой, с теми представлениями о нормативности как системе принятых реализаций элементов языковой структуры, отобранных и закрепленных языковой практикой¹¹, которыми руководствовались авторы и составители грамматических сочинений и их современники, книжные люди этого периода, писавшие произведения высоких жанров, противостоявшие натиску живой речи на книжно-славянский язык. Таким образом, сопоставляются закрепленные и описанные в грамматиках правила словоизменения, кодифицированная норма и совокупность не зафиксированных письменно правил формоизменения, реализующихся последовательно в деятельности книжников XVII в., в их речевой практике. Мы осуществляем это сопоставление, опираясь на данные, которые предоставляют нам грамматика М. Смотрицкого, Л. Зизания и Адельфотес в своей парадигматической части, на материал, собранный и описанный современными исследователями языка XVI–XVII вв., на анализ парадигм формоизменения, реально используемых в письменной практике книжников этого периода.

Исследователи отмечают особую популярность и авторитетность грамматики М. Смотрицкого, считают ее образцом, в соответствии с которым осуществлялась

¹⁰ Семенюк Н.Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII в. М., 1967. С. 10.

¹¹ Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. М., 1970. С. 555.

справа богослужебных книг во второй половине XVII в.¹² Изучая предложенную М. Смотрицким (или его издателем) норму употребления падежных форм, мы отмечали¹³, что фиксация нескольких вариантных окончаний, делая грамматику достоверным свидетельством состояния литературного языка определенного периода, лишает предложенные ею нормы императивной функции или, во всяком случае, в значительной мере мешает ее реализации. Своеобразие грамматики М. Смотрицкого состоит в том, что, фиксируя варианты, она не регулирует их употребления, не регулирует использования различных средств выражения одного значения.

Исследование языкового материала грамматики конца XVI – начала и середины XVII в. позволяет реконструировать систему временных форм, которую авторы грамматических работ считали нормативной. Они представляли себе норму употребления временных форм следующим образом (см. табл. 1.).

Временная форма лицо, число	прошедшее время		настоящее время будущее простое	будущее сложное
	аорист	имперфект		
1 л. ед. ч.	явихъ, чтохъ	явдяхъ, являяхъ	-ү(-ю)	имамъ, хощү бити
2 л. ед. ч.	явилъ еси, яви (3), чел, чла, чло (С)	являлъ, являалъ, еси (3), являлъ, являалъ (С)	-еши, -ниши	имами, хощеши бити
3 л. ед. ч.	яви, чте	являше, являаше	-еть, -ить	иматъ/ь, хощеть/ь бити
1 л. дв. ч.	явихова, -вѣ, чтохова, -вѣ	являхова, -вѣ, являяхова, -вѣ	-ева, -ива, -евѣ, -ивѣ	имава, -вѣ бити, хощева, -вѣ бити
2 л. дв. ч.	явиста, -тѣ, чтоста, -тѣ, явиста, -тѣ	являста, -тѣ, являаста, - тѣ, являста, -тѣ	-ета, -ита, -етѣ, -итѣ, ета, -ита	имата, -тѣ бити, хощета, -тѣ бити, хощета, -тѣ бити
3 л. дв. ч.	чтоста, -тѣ	являаста, -тѣ	-есть, -итѣ	имата, -тѣ бити
1 л. мн. ч.	явихомъ (-мо), чтохомъ	являхомъ, являяхомъ	емъ, -имъ, -ете, -ите	имамъ, хотимъ бити
2 л. мн. ч.	явисте, чтосте	являсте, являасте	-утъ-ютъ, -атъ-ятъ	имате, хотите бити
3 л. мн. ч.	явише, чтоша	являхуша, являяхуша		имаютъ, хотятъ бити

Сопоставим норму употребления временных форм в книжно-славянском языке XVII в. и результаты описания языка памятников письменности XVI–XVII вв. современными исследователями русского литературного языка¹⁴.

¹² Сиромаша В.Г. «Книжная справа» и вопросы нормализации книжно-литературного языка Московской Руси во второй половине XVII в.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981.

¹³ Ремнёва М.Л. О степени императивности Грамматики М. Смотрицкого 1648 г. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3.

¹⁴ См.: Агафонова Т.И. Глагольные формы в сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича»: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1981; Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972; Лопушанская С.П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975; Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952; Рюмина О.Л. Глагольные формы в книжно-литературном языке. XVII в.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1971; Чернов В.А. Русский язык XVII в. Свердловск, 1977; Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1957; Этерлей Е.Н. Русский имперфект: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1970.

Исследования, посвященные вопросам истории системы временных форм, а также специально изучению морфологии глагола по памятникам письменности XVII в. обнаруживают литературно-языковой дуализм этого времени. Особенно заметны расхождения между системами церковнославянского языка и живой речи в области морфологии глагола. Церковнославянской многочленной системе прошедших времен книжно-славянских памятников была противопоставлена ориентированная на живую речь система глагольных форм, характеризующая язык деловой документации и бытовой письменности¹⁵. Меняет характер и назначение деловая письменность, изменяются функции делового языка: «на нем... велась почти вся корреспонденция московского правительства и московской интеллигенции, на нем писались статьи и книги самого разнообразного содержания»¹⁶.

Анализ переводных произведений XVII в. позволил сделать О.Д. Рюминой следующие выводы: авторы литературных произведений, переводных и оригинальных, используют одну и ту же систему глагольных форм, являющуюся церковнославянской и резко отличающуюся от сложившейся к этому периоду русской глагольной системы. Господствующими формами прошедшего времени являются церковнославянские формы простых прошедших времен аориста и имперфекта при абсолютном преобладании форм аориста (80,3% аориста, 7,3% имперфекта, 12,4% – формы на -л-). Вместе с тем отчетливо обнаруживается выработанная в книжном языке предшествующего периода и получившая отражение в грамматиках церковнославянского языка норма, согласно которой во 2-м л. ед. ч. вместо простых прошедших времен используется форма на -л-. Аорист и имперфект сохраняют свою специфику в образовании и значении. При образовании форм будущего сложного, в качестве вспомогательных глаголов используются глаголы «**има́мъ, хочѹ, почьнѹ, бѹдѹ**» и пр. Преобладают при этом конструкции «**има́мъ + инфинитив спрягаемого глагола**»¹⁷.

Анализируя функционирование форм прошедшего времени в русских повестях XV–XVIII вв., В.А. Жульева отмечает¹⁸, что аорист и имперфект не только составляли устойчивую принадлежность вполне живых и популярных форм литературного повествования в ранний период древнерусского языка, но и в последующие века обнаруживали своеобразную жизненность, выходящую за пределы обособленных в стилистическом отношении контекстов. Однако она обращает внимание и на то, что вряд ли можно считать идентичным употребление форм аориста и имперфекта в ранних памятниках древнерусской письменности и в книжно-письменном языке позднего периода, когда формы простых прошедших времен в живой русской речи уже не использовались, и констатирует, что в памятниках повествовательного жанра XV–XVIII вв. продолжает действовать древняя славянская закономерность, определенное соотношение между разными формами прошедшего времени.

В.А. Чернов, анализируя систему форм времени в «Житии протопopa Аввакума», стремился доказать¹⁹, что Аввакум, приступая к жизнеописанию, имел намерение написать его в соответствии с законом жанра и на традиционном языке церков-

¹⁵ Агафонова Т.И. Глагольные формы в сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». С. 3.

¹⁶ Виноградов В.В. Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978. С. 29–30.

¹⁷ Рюмина О.Л. Глагольные формы в книжно-литературном языке. XVII в. С. 3, 5, 6, 9–10.

¹⁸ Жульева В.А. Формы глаголов прошедшего времени в русских повестях XV–XVIII вв.: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1973. С. 7, 9.

¹⁹ Чернов В.А. Система глагольных форм в Житии Аввакума // Лингвистический сборник. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 45–70.

ной литературы, но не преуспел в осуществлении своего замысла. Он употребляет аорист и имперфект в тех частях сочинения, которые имели образцы в церковнославянской литературе – во введении, пересказах библейских эпизодов, в цитатах из евангелий, молитвах, скрытых цитатах из церковной литературы и т. п. И он не использует их в тех местах, которые не имеют параллелей в канонических житиях. Вероятно, дело не только в том, что Аввакум в большинстве случаев не имеет готовых моделей использования глагольных времен. Он знает, в каком повествовании необходимы церковнославянские формы, а в каких нет. Церковнославянские формы для него – знак престижности предмета. Но церковнославянской начитанности, владения правилами их функционирования – признака учености книжника – у Аввакума нет, поэтому он допускает ошибки, неправильно образует временные формы («**азъ прилежа, я бысть. я рыдаше**» и под.), не умеет их употреблять. Аввакуму известно будущее сложное со вспомогательными глаголами «**стать, быть**». Преобладают формы с глаголом «**стать**», два раза использована конструкция «**бүдү + инфинитив**» и во вступлении – «**хощет принти**».

«Житие протопopa Аввакума» в силу своеобразия личности автора – это произведение, в котором достаточно убедительно представлены черты живого разговорного русского языка вопреки законам жанра.

В памятниках письменности, характеризуемых как памятники делового языка, а также в сочинениях, где «форма деловых документов теряет всякий практический смысл, сохраняет значение только как литературный прием»²⁰ система спрягаемых форм представлена иная, близкая к современной.

В сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» церковнославянские временные формы представляют собой немногочисленные вкрапления в ткань языка (аорист 4,8%, имперфект – 0,6%, книжно-литературный плюсквамперфект (**бѣ былъ**) – 0,1%, абсолютно же преобладают формы на -л- (94%). Следует отметить при этом «ошибки» в образовании и согласовании аориста. Все формы аориста и книжно-славянская форма плюсквамперфекта сосредоточены в первой, вводной части сочинения, дающей подробную справку о царской фамилии, начиная с Ивана Грозного, и близкой по стилю к произведениям традиционного летописного жанра. Возникает предположение, что Г. Котошихин, как и протопop Аввакум, связывал церковнославянские формы с определенным жанром. Вероятно, церковнославянский язык, а не деловой, повседневный воспринимался Г. Котошихиным как собственно литературный²¹.

Достаточно широко представлены в памятнике формы непрощедших времен. Использование форм будущего сложного свидетельствует о том, что для сочинения Г. Котошихина характерны при передаче значения будущего времени глагольные конструкции с «**үчнетъ**» (97%), «**станетъ**» (2%), «**бүдет**» (1%). Вспомогательные глаголы «**бүдү**» и «**станү**» при образовании форм будущего зафиксированы Г. Лудольфом. Сочетание инфинитива с названными глаголами при передаче значения «действие в будущем» типичны для деловых текстов XVII в. Мало в сочинении Г. Котошихина сочетаний инфинитива с глаголами «**иметъ**», «**хощетъ**», достаточно широко используемых в книжно-литературных текстах. Таким образом, сочинение Г. Котошихина в плане употребления форм будущего сложного

²⁰ *Виноградов В.В.* Избр. труды. История русского литературного языка. С. 122.

²¹ *Агафонова Т.И.* Глагольные формы в сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича». С. 5, 7.

отражает грамматическую норму, противопоставленную как норме живой разговорной речи, так и норме книжно-славянской²².

Для языка Уложения 1649 г. характерно наличие одной формы прошедшего времени – перфекта без связки. Формы будущего времени глаголов НСВ в уложении обыкновенно образуются при помощи глагола «**҃҃҃҃҃҃**». Кроме глагола «**҃҃҃҃҃҃**» в той же роли иногда употребляется «**҃҃҃҃҃҃**». Глагол «**҃҃҃҃҃҃**» в этой функции в Уложении не функционирует²³.

Предметом исследования С.П. Лопушанской являются материалы «Слова и дела государевых» (т. 1, включающий документы первой половины XVII в). Автор работы отмечает, что в «Слове и деле» весьма многообразно представлен глагол: 3020 глагольных форм, 37827 случаев их употребления. Исследование форм будущего времени глаголов НСВ показывает, что глагол «**҃҃҃҃҃҃**» во всех случаях употребляется, полностью сохраняя свое собственное значение, не образуя аналитической формы для выражения будущего времени. Сочетания инфинитива с глаголами «**҃҃҃҃҃҃**» и «**҃҃҃҃҃҃**» могут использоваться как синонимичные. Глагол «**҃҃҃҃҃҃**» с инфинитивом зафиксирован 6 раз (с инфинитивом глагола «**҃҃҃҃҃҃**»), причем в речи грамотных людей. Эти конструкции используются как синонимические к «**҃҃҃҃҃҃** **҃҃҃҃҃҃**» и «**҃҃҃҃҃҃** **҃҃҃҃҃҃** (**҃҃҃҃҃҃**)».

В документах «Слова и дела» не используются аорист и имперфект, хотя число форм прошедшего времени в памятнике велико (22 623 случая употребления), поскольку «Слово и дело» содержит предшествующие моменту написания протокола, отписки, челобитной и т. п. В «Слове и деле» формы прошедшего времени в основном не отличаются от современных форм на -л-. Причем перфект со связкой употребляется всего 102 раза (преобладает при этом форма 2-го л. ед. ч. и мн. ч.)²⁴.

Изученный материал показывает, что «в XVII в. со всей решительностью встает вопрос о перераспределении функций обоих письменных языков: книжного русско-славянского и более близкого к живой, разговорной речи русско-делового административного. Московский деловой язык, подвергшись фонетической, а еще более грамматической регламентации решительно выступает в качестве русской общенациональной формы общественно-бытового выражения»²⁵. В русской рукописной литературе конца XVII в. распространяется пародия на разные жанры и стили церковно-книжной письменности как средство борьбы с традициями старого книжного языка. Начинает меняться взгляд на литературный язык.

Церковнославянский язык в XVII в. переживает сложную эволюцию. Вступление Московского государства в круг широких международных связей и отношений обострило старую идею о значении Москвы в истории христианского мира. В связи с этим, а отчасти в противовес надвигающейся европеизации усиливаются тенденции архаизации в сфере церковно-литературного языка. Высшее духовенство и светские круги культивируют высокие риторические стили церковнославянского языка. Генрих Вильгельм Лудольф в грамматике 1696 г. отмечает: «Для русских знание славянского языка необходимо, так как не только священное писание и бо-

²² См. *Агафонова Т.И.* Глагольные формы в сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича».

²³ *Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 г. С. 344, 347, 348.

²⁴ *Лопушанская С.П.* Очерки по истории глагольного формообразования. Казань, 1967. С. 8, 77–78, 83, 84, 97–98

²⁵ *Виноградов В.В.* Избр. труды. История русского литературного языка. С. 36, 37.

гослужебные книги у них существуют на славянском языке, но, не пользуясь им, нельзя ни писать, ни рассуждать по вопросам науки и образования»²⁶.

То же говорит И.В. Паус в рукописной «Славяно-русской грамматике» (1705–1729): «Потребность в славянской речи можно видеть в том, что как только в обыденной речи заходит разговор о высоких или духовных предметах, тотчас начинают употреблять славянский язык... Славянский язык используется больше в церкви, а русский распространен в обыденной жизни, но в государственных и научных вопросах пользуются все же славянским». На церковнославянском ведутся ученые диспуты. Карион Истомина в конце XVII в. писал в предисловии к своему рукописному букварю, что последний предназначен для того, чтобы «учитися читати божественныя книги и гражданских обычаев и дел правных»²⁷.

Характер использования системы временных форм свидетельствует о четком знании и понимании авторами специфики языковой ситуации в Московской Руси в XVII в. и достаточно строгом следовании ее нормам, ее предписаниям. Материал свидетельствует также о повышении престижности делового языка, о распространении его норм за пределы чисто практической документации и постепенном превращении его в допустимый, приемлемый вариант литературного языка, о приобретении им авторитета литературности. И в такой ситуации функционирование старой или новой системы временных глагольных форм становится дифференциальным признаком типа литературного языка, жанра произведения. Четкое и последовательное противопоставление «русского» «славянскому» подтверждено грамматикой М. Смотрицкого: «**Времена: преходящее, прешедшее, мимошедшее и непредѣльное наклонения сего изъяснительнаго руска иногда языка наывкомъ дѣйствительнѣ и страдателнѣ произносима быти обрѣаемъ: сице съществительнымъ глаголомъ растворяема: яко преходящее: чель есмь и проч., прешедшее: читалъ есмь и проч., мимошедшее: читаалъ есмь и проч., непредѣльное: прочелъ есмь и проч. Тоже разуми и о глѣхъ спряженія втораго**»²⁸.

Следует отметить, что система временных форм, представленная в грамматике М. Смотрицкого, кроме указания на сферу употребления церковнославянской системы временных форм и форм на *-ль*, свидетельствовала о четком осознании автором грамматики, в каких случаях используются данные им парадигмы прошедших времен.

Однако в отличие от парадигм имени существительного²⁹ М.Смотрицкий практически не дает вариантных окончаний в формах прошедших времен: в форме 2-го л. ед. ч. он последовательно проводит единственно, с его точки зрения, возможную у простых форм прошедшего времени (аориста и имперфекта) форму на *-л-*, фиксирует вариантное окончание *-ша* в 3-м л. мн. ч. имперфекта и последовательно не дает формы перфекта. Отсутствие форм на *-л-* в грамматиках в виде особой парадигмы и наличие их в парадигмах аориста и имперфекта – это, по существу, единственный знак воздействия норм делового языка и живой разговор-

²⁶ Ларин Б.А. Русская грамматика Лудольфа. Л., 1937. С. 115.

²⁷ Цит. по: Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983. С. 88–89.

²⁸ Маслов Ю.С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // Славянское языкознание. I международный съезд славистов. М., 1961.

²⁹ Ремнева М.Л. Соотношение системы и нормы в использовании форм вида и времени в русском языке XV в. (по памятникам письменности северо-восточной Руси XV в.): Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1968. С. 36–42.

ной речи на нормы употребления временных форм в книжно-письменном языке. Зная формы прошедших времен, но не владея законами функционирования всей системы прошедших времен в целом, авторы грамматик не догадываются о функциях перфекта в рамках этой системы, о том, что он является ее равноправным членом, носителем своего специфического значения. Для них формы на *-л-* – это прежде всего признак живого языка, форма, свойственная деловой речи, русскому языку (противопоставленному церковнославянскому, «славянскому»), где она универсальная форма для передачи всех значений прошедшего времени, которые декларируются в грамматиках многих сочинений.

Становление морфологических церковнославянских норм, представленных в грамматике М. Смотрицкого, явилось результатом взаимодействия церковнославянской нормы и норм живого разговорного языка, причем характер взаимодействия определялся состоянием соответствующей грамматической категории в живом восточнославянском языке. Близость системы склонения имени существительного в церковнославянском и русском языках обусловила наличие значительного числа вариантных флексий в парадигмах грамматики. В рамки церковнославянского языка была перенесена (на основе сходства систем) вся та совокупность сложнейших процессов, которые имели место в словоизменении имен в живом русском языке начала и середины XVII в. Поэтому в грамматике М. Смотрицкого именные парадигмы характеризовались значительным числом вариантных окончаний. И только парадигма двойственного числа всех типов склонения лишена вариантных окончаний, что вполне естественно, поскольку в живом языке проблема двойственного языка была в этот период неактуальной в силу отсутствия соответствующей грамматической категории в живом русском языке. И поэтому в грамматике она давалась в том виде, в каком отражалась в памятниках письменности. В силу же отсутствия живого языкового материала для внесения определенной «правки» возникла почва для конструирования форм, не знающих вариантов.

«Падение» сложной системы прошедших времен в живой русской речи (или исходное отсутствие форм простых претеритов в языке восточных славян), сознание того, что простые формы прошедшего времени являются принадлежностью языка памятников высоких книжных жанров, исключило возможность прямого влияния нормы употребления временных форм в живом языке на церковнославянскую норму использования форм времени. Влияние русского языка сказалось на смешении аористных и имперфектных форм, на употреблении формы *-л-* в аористных и имперфектных парадигмах, на возможности фиксации грамматикой контаминированной аористо-имперфектно-перфектной парадигмы, что особенно показательно на примере словоизменения глагола «**БЫТИ**».

Таким образом, в грамматиках конца XVI – начала XVII в. зафиксировано весьма противоречивое представление книжников о нормах употребления форм времени, выразившееся в смешении как их функций, так и форм.

ЛИТЕРАТУРА

- Античные теории языка и стиля. Л., 1936. С. 129–131.
Виноградов В.В. Избр. труды. История русского литературного языка. М., 1978.
Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972
Иорданский А.М. История двойственного числа в русском языке. Владимир, 1960.
Калайдович К. Иоанн, экзарх болгарский. М., 1824

Колесов В.В. Динамика форм прошедшего времени // История русского литературного языка: Древнейший период. Л., 1976.

Крысько В.Б. Очерки по истории русского языка. М.: Гнозис, 2007. 424 с.

Кузнецов П.С. У истоков русской грамматической мысли. М., 1958.

Ларин Б.А. Русская грамматика Лудольфа. Л., 1937. С. 115.

Лопушанская С.П. Основные тенденции эволюции простых претеритов в древнерусском книжном языке. Казань, 1975

Маслов Ю.С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида // Славянское языкознание. I международный съезд славистов. М., 1961.

Никифоров С.Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI в. М., 1952

Ремнёва М.Л. О степени императивности Грамматики М. Смотрицкого 1648 г. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3.

Семенюк Н.Н. Норма // Общее языкознание. М., 1970. С. 555.

Семенюк Н.Н. Проблема формирования норм немецкого литературного языка XVIII в. М., 1967.

Соболевский С.И. Краткий очерк грамматики древнегреческого языка // Древнегреческо-русский словарь. Т. 2. М., 1958. С. 1841–1848

Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

Чернов В.А. Русский язык XVII в. Свердловск, 1977

Чернов В.А. Система глагольных форм в Житии Аввакума // Лингвистический сборник. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 45–70.

Черных П.Я. Язык Уложения 1649 г. М., 1957

Ягич И.В. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. Исследования по русскому языку. Изд. Отделения русского языка и словесности. Т. 1. СПб., 1885–1895.

REFERENCES

Antic Theories of Language and Style. Leningrad. 1936, pp. 129–131.

Vinogradov V.V. (1978) Selected Works. History of Russian Literary Language. Moscow.

Vinogradov V.V. (1972) Russian Language. Moscow.

Iordansky A.M. (1960) History of Dual in Russian Language. Vladimir.

Kalaidovich K. (1824) John, the Bulgarian Exarch. Moscow.

Kolesov V.V. Dynamics of the past tense forms. The History of the Russian Language. Ancient Period. Leningrad. 1976.

Krysko V.B. (2007) Essays on the History of Russian Language. Moscow. Gnozis. 424 p.

Kuznetsov P.S. (1958) The Beginnings of Russian Grammatical Thought. Moscow.

Larin B.A. (1937) Ludolf's Russian Grammar. Leningrad.

Lopushanskaya S.P. (1975) Main Trends of Evolution of simple preterits in Old Russian Literary Language. Kazan.

Maslov Yu.S. The Place of Bulgarian in the Common Theory of Slavonic Aspect. *Slavonic Linguistics. I International Congress of Slavists*. Moscow. 1961.

Nikiforov S.D. (1952) Verb, Its Category and Forms in Russian Language of the second part of XVI c. Moscow.

Remneva M.L. On the Imperative in the Smotrisky 's Grammar. *Scientific Report of High School. Philological sciences*. 1983. No 3.

Semeniuk N.N. Norm. *Common Linguistics*. Moscow. 1970.

Sobolevsky S.I. Concise Grammar of Old Greek Language Old Greek-Russian Vocabulary. Vol. 2. Moscow. 1958, pp. 1841–1848.

Uspensky B.A. (1983) Language Situation in Kiev Rus and Its Place in the History of Russian Literary Language. Moscow.

Chernov V.A. (1977) Russian Language of XVII. Sverdlovsk.

Chernov V.A. System of Verbal Forms in Avvakum 's Life. *Linguistic Collection*. Sverdlovsk. 1963. Vol. 1, pp. 45–70.

Chernykh P.Ya. (1957) The Language of 1649 Orders. Moscow.

Yagitch I.V. Discourse on South Slavonic and Old Russian Language. Studies in Russian Language. Publ. of Russian Language Department. Vol. 1. Sanct-Petersburg. 1885–1895.

Сведения об авторе:
Марина Леонтьевна Ремнёва,
докт. филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Marina L. Remneva,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

как части «островной» цивилизации североатлантического региона. Эта островная культура, как считает Н.Ю. Гвоздецкая, восполняла исландцам утраченную связь с их материковой прародиной.

Исландцам «века саг» и их потомкам, пересказывающим родовые саги, было свойственно осознание связи поколений и чувство сопричастности к событиям прошлого, которое М.И. Стеблин-Каменский обозначил как прочность времени. Прочность времени связана со стереотипностью мышления исландцев и предсказуемостью их поведения. Все персонажи саг мыслятся как реально существовавшие исландцы. Типизированные персонажи коллективной индивидуальности вводятся в сагу без указания родственных связей (их поведение не осложнено семейными обязательствами). Вместе с тем поэтика родовой саги отражает различие между личной и коллективной индивидуальностью. Оба типа индивидуальности представлены персонажами-воспитателями. Э.В. Емельянова в своей статье «Образы исландцев “века саг” в преломлении поэтики родовой саги на примере воспитателей: к вопросу о типологии персонажей» сопоставляет персонажей-воспитателей с целью определения средств, которыми поэтика саги обозначает разную степень их типизированности.

Изнутри – в ключе понимания острова как самоценного исторического и культурного локуса – рассматривается один «отдельно взятый» остров и в исследовании Е.Р. Сквайрс «Остров Готланд на пути в Северную Русь: встреча письменных культур». Ею анализируется ключевое значение острова Готланд как плацдарма для распространения торговых и культурных контактов, как промежуточной площадки для взаимодействия и потенциального соединения географических ареалов и этнокультурных единств. Готланд также сыграл важную роль в культурном обмене и языковых контактах между Западом и Востоком Европы в Средние века. Языковой анализ показал, что, в отличие от общепринятого мнения, ранние немецкие тексты с Готланда не испытывали прямого влияния со стороны местного (гутнийского) языка. Вместе с городским правом центра Готланда – Висби – они относятся к более поздней, новой, распространившейся на острове с континента Германии традиции европейского кодифицированного права. В противоположность им местные правовые тексты Готланда представляют письменно фиксированные формы более древней, устной традиции скандинавского права. Если последняя относится к сельскому (гутнийскому) населению острова и не затрагивает морской торговли и международных связей Висби, то новая правовая традиция развивается в среде городского купечества, в основном по инициативе немецкой общины Висби, и в ней самостоятельно реализуется (нижне-)немецкий язык официально-делового стиля. В этой связи значительно пересмотрены место городского права Висби и взаимоотношение немецкой и гутнийской письменных традиций, исследованы факторы и участники ранних, доновгородских контактов скандинавов с Русью. Поставлена задача изучения взаимодействия нижненемецкой письменной традиции со скандинавским (гутнийским) окружением Висби.

Продолжая разрабатывать тему «Остров Рюген», Н.А. Ганина проводит детальное исследование различных проявлений самостоятельного *само*-осмысления истории языка, культуры и фольклорных преданий острова, в котором она не без оснований видит замечательно интересный материал для анализа. Причем как анализа собственно германского языкового материала, так и выявления там реликтов временного славянского присутствия. Обращаясь к именам рюгенских князей (по данным некрополей), чтобы показать этническую пестроту этого региона, как

Ильина Г.Я. Хорватская литература XX века / Отв. ред. Н.Н. Старикова. М.: Индрик, 2015. 440 с. – (Серия: «Литература XX века»)

В книге представлены основные этапы эволюции хорватской литературы в XX в. В центре внимания динамика литературного процесса, анализ творчества крупнейших национальных авторов, типологические связи хорватской литературы с европейской и русской (советской) литературами, специфика национальной интерпретации различных литературных направлений, жанровых и стилевых структур в хорватской литературе. Книга представляет интерес и для специалистов – историков литературы, литературоведов, культурологов, и для широкого читателя.

История венгерской литературы в портретах / Авторский коллектив: Д.Ю. Ващенко, Ю.П. Гусев, Б.Й. Желицки, Н.М. Куренная, Е.Н. Масленникова, В.Т. Середа, О.Стыкалин, О.В. Хаванова, Е.З. Шакирова, О.А. Якименко. М.: Индрик, 2015. 408 с.

В книге, подготовленной коллективом авторов – литературоведов и историков, предлагается системный обзор истории венгерской литературы в творческих биографиях наиболее ярких ее представителей: первые письменные памятники на латинском языке, поэзия эпохи Ренессанса и барокко, Просвещения и романтизма, творчество писателей XIX и XX вв.

Книга представляет интерес как для специалистов в области истории литературы и культуры, так и для широкого круга читателей.

